

«Политика умиротворения» как следствие кризиса Версальской системы

Политику умиротворения обычно рассматривают как политику отмены ограничений для вооружения Германии и поощрения германской экспансии в Центральной и Восточной Европе. Еще чаще ее связывают исключительно с Мюнхенским соглашением. Между тем действия Великобритании и Франции в этот период имели определенное теоретическое обоснование, которое выросло в недрах либерального пацифистского движения интеллектуалов и первоначально имело своей целью предотвращение войны.

После Версаля надежды на предотвращение новой войны питали пацифистски настроенные круги либеральных интеллектуалов и деятелей культуры, представители которых настояли на создании Комиссии международной интеллектуальной кооперации при Лиге Наций в мае 1922 г. С 1929 г. комиссию возглавлял британский филолог Г. Мюррей¹.

В 1925 г. по инициативе и при финансовой поддержке французского правительства в рамках Лиги Наций был создан Международный институт интеллектуальной кооперации в Париже (Парижский институт). В 1929 г. при Парижском институте был основан Институт исследований по международным отношениям². В 1931 г. был создан Постоянный международный комитет писателей и художников при Лиге Наций. Базой для деятельности комитета писателей стал также Парижский институт³. Так возникла и стала функционировать система международного интеллектуального сотрудничества, которую с легкой руки французского поэта Поля Валери стали называть «Лигой умов».

Одним из направлений работы Парижского института стала разработка актуальных проблем международных отношений, требовавших экспертной оценки. Основное внимание уделялось выработке универсальной концепции предотвращения войн. В центре дискуссий на эту тему были причины, порождающие войны, и меры по предотвраще-

нию их возникновения. Первые публичные обсуждения состоялись во Франкфурте-на-Майне в 1932 г., затем дискуссии по фундаментальным вопросам международных отношений и укрепления духовных основ международного сообщества состоялись в Париже, Мадриде и Венеции (1933 г.). В дебатах участвовали представители европейской интеллектуальной элиты. Материалы дискуссий были опубликованы в двух сборниках: «Общество разума» и «Почему война?»⁴. В итоге была сформулирована концепция «пацификации (умиротворения) мира».

В основу выработанной концепции легли воззрения З. Фрейда, строящиеся на предположении, что причины войн коренятся в природе человека, в присущем ему «военном инстинкте» и учение А. Бергсона о «закрытом обществе» — закрытом для божественного «откровения». С точки зрения Бергсона, обществом движут животные страсти, оно эгоцентрично, обладает строгой иерархией и дисциплиной стаи, абсолютным авторитетом вождя и военным духом. Биологические причины войны, по мнению авторов концепции пацифизма, проявляются в практике международных отношений в необузданном народном национализме, воплощенном в государственном суверенитете (он является массовым фактором появления причин войны). Индивидуальный фактор интерпретировался как ошибки государственных деятелей, испытывающих мощное воздействие национализма толпы. Отсюда следовал вывод, что система национальных государств является главной причиной конфликтов в военной области, что мирное сосуществование народов невозможно при системе суверенных государств. В резолюции постоянного комитета искусств и литературы, принятой на сессии в Мадриде в 1933 г., отмечалось, что цивилизация не сможет существовать, если нации в своих же интересах не согласятся ограничить государственный суверенитет, если в основу международной жизни не будет положено универсальное сознание⁵.

В объединении интеллигенции вокруг Лиги Наций Р. Роллан, А. Эйнштейн, Э. Эррио и другие видели возможность для создания предпосылок к формированию «интернационального духа», обеспечивающего умиротворение планеты⁶. Понимая утопичность идеи создания мирового государства, интеллектуальные круги в основу будущего духовного единства мира закладывали гуманистическую мораль. Для одних она была божественным откровением, для других — продуктом

длительной культурной эволюции человеческой цивилизации. Но для всех важнейшей частью практической работы по консолидации общества и предотвращению войны являлось духовное примирение народов, которое могло быть достигнуто в результате «морального разоружения».

Концепция «морального разоружения» подразумевала само интеллектуальное сотрудничество, направленное на выработку универсального общественного сознания, на формирование мирового общественного мнения в пацифистском духе, в духе взаимопонимания и сотрудничества народов, на воспитание в молодом поколении анти-милитаристского сознания. При этом считалось, что собственно разоружение станет естественным следствием «морального разоружения», так как народы станут доверять друг другу. Преодоление инстинкта агрессии в духовной сфере предполагалось через просвещение, нравственное воспитание, пробуждение религиозного сознания. Игнорируя социально-экономические аспекты формирования сознания, сторонники морального разоружения уповали на общественную мораль и нравственность.

Таким образом, в основе пацификации лежало представление, что усилия интеллектуальных и высоконравственных людей смогут убедить народы, якобы жаждущие истреблять друг друга, сойти с тропы войны. Вряд ли некая «природная кровожадность» заставляет людей отказываться от элементарного чувства самосохранения, а политические лидеры являются всего лишь слепой игрушкой в руках воинственной толпы. В основе доктрины пацифизма лежал односторонний, субъективный и весьма неполный, с точки зрения научной объективности, взгляд на причины, порождающие войны в современном мире. Авторы концепции забывали, что в государственном суверенитете воплощен важнейший принцип демократии — власть народа, а войны, как правило, готовятся в тайне от народа. Подготовка к войне включает и формирование крайне националистических настроений в обществе. Нет ни одного народа, который хотел бы добровольно обречь себя на жертвы и массовые убийства, которыми сопровождаются войны. Другой важный аспект доктрины состоял в том, что «открытое» и «закрытое» общества ассоциировались в европейских умах с западной и восточной цивилизациями. Считалось, что мир возможно сохранить только в рамках западного, «открытого» общества. Для «цивилизации

варваров» война — естественное дело. Таким образом, будущая война была обоснована как естественный процесс интеллектуалами Европы еще до прихода Гитлера к власти.

При этом пацифисты понимали, что даже западное общество не готово к «умиротворению». Деятельность по реализации концепции «морального разоружения» прошла несколько этапов развития, включая в себя новые области международного сотрудничества.

В 1925 г. было принято решение приступить к практической работе по воспитанию молодого поколения на идеалах международного сотрудничества. Были созданы подкомитеты по выработке мер по ознакомлению молодежи всего мира с принципами деятельностью Лиги Наций, внушению молодому поколению, что международное сотрудничество — естественный путь решения международных проблем, и для подготовки специальных рекомендаций общеобразовательным учебным заведениям по организации воспитательной работы с учащимися в духе «морального разоружения»⁷. Особое значение сторонники «морального разоружения» придавали преподаванию истории, курс которой считался «наиболее опасным».

В 1931–1932 гг. комиссия по историческому образованию Международного комитета историков исследовала вопрос о преподавании истории в школах многих стран мира. Различия оказались столь значительными, что не удалось даже провести сравнительный анализ. К 1933 г. были выработаны рекомендации, сформулировавшие основные проблемы и противоречия, возникающие на пути «пацификации истории». Предлагалось, что историческое образование должно формировать не только национальное, но и интернациональное сознание гражданина мира. Предлагалось определить соотношение преподавания отечественной и всеобщей истории, истории военной, политической и истории культуры, изучения в школе принципов и деятельности Лиги Наций⁸. Но разногласия оказались столь существенными, что выработать общую позицию не удалось⁹. В 1937 г. была подготовлена декларация по пересмотру школьных учебников, которую не подписала ни одна из крупных стран мира¹⁰.

Особое значение в осуществлении «морального разоружения» придавалось средствам массовой информации. По поручению Ассамблеи Лиги Наций в 1932 г. Парижский институт разработал рекомендации

по использованию радиовещания и кинематографии в деле «морального разоружения», в которых отмечалось, что международные радиопередачи и кинофильмы могут либо нанести вред отношениям между народами, либо способствовать укреплению доверия между ними. Отмечалось их влияние на широкие слои населения, молодое поколение. Было предложено активнее использовать радио в сфере образования для повышения уровня культуры народов, в распространении лучших образцов мировой культуры, в формировании международного сознания, в деле воспитания молодежи в пацифистском духе, в борьбе против националистической лжи и за сближение народов. Особая роль в этой работе отводилась передачам новостей и кинохронике¹¹.

В 1934 г. Парижский институт приступил к разработке универсальной международной конвенции по радиовещанию. Предусматривалось создание профессиональной ассоциации международного радиовещания, которая бы определила этические нормы для радиожурналистов, основанные на идеях «морального разоружения». Однако разногласия между государствами, не желавшими рассматривать содержание своего радиовещания, не позволили реализовать и это начинание.

С конца 1920-х годов были предприняты усилия по подготовке всеобъемлющего международно-правового документа по «моральному разоружению», которые воплотились в меморандуме польского правительства от 17 сентября 1931 г., направленном на конференцию по разоружению в Женеве. В нем говорилось, что «моральное разоружение» должно стать государственной политикой, для чего необходимо привести законодательство в соответствие с интересами международного сообщества¹².

Последовавшая дискуссия выявила несколько подходов к проблеме. Польский вариант предусматривал внутригосударственные меры правового порядка, запрещавшие пропаганду войны. Англо-американский подход предлагал международное сотрудничество в воспитании молодежи в пацифистском духе. Советский представитель исходил из того, что «моральное разоружение» станет реальным только тогда, когда начнется разоружение в военной области, но это суждение не нашло поддержки в ходе дискуссии. В итоге был принят проект конвенции, объединявший польскую и англо-американскую точки зрения¹³, однако он не был подписан членами Лиги Наций.

Значительные усилия, предпринятые представителями мировой науки и культуры по формированию атмосферы доверия между народами, не были востребованы политиками. Это породило в среде интеллигенции определенный скептицизм относительно возможности предотвращения военной угрозы и нашло свое отражение в новой дискуссии в «Лиге умов» по проблемам современного гуманизма как философской основе пацифизма.

В октябре 1933 г. в Парижском институте состоялся конгресс по проблемам «будущего европейского разума». Он был организован комитетом литературы и искусства под председательством П. Валери и завершился созданием «Общества европейских исследований», объединившего представителей интеллектуальной элиты 20 стран¹⁴. Организованные Парижским институтом для выяснения проблемы формирования современного человека, дискуссии проходили летом 1936 г. в Будапеште и в марте 1937 г. в Ницце. По итогам был опубликован отчет под заголовком «Формирование современного человека»¹⁵. Участники дискуссии пришли к выводу, что современный человек — это сложное, комплексное явление, в котором происходят противоречивые процессы, но преобладают разумные начала. Огромное влияние на его формирование оказывают образование, индустриальное развитие, литература и искусство — все то, что объединяется понятием цивилизация. В ходе обсуждения не удалось определить содержание понятия «человечество», потому участники обратились к характеристике содержания европейской цивилизации, которая рассматривалась как преемница греко-латинской культуры. Одновременно участники дискуссии подчеркнули, что цивилизации развиваются лишь тогда, когда поддаются влиянию извне. В европейской цивилизации гуманистические традиции опираются на античную концепцию равновесия, меры и целесообразности, на христианское средневековое представление об ограничении разнужданных сил, противоречащих христианским духовным ценностям. Огромное значение в ее развитии принадлежит науке. Совокупность научно-технических достижений и гуманизма (в его европейском представлении) предполагает наступление новой «третьей цивилизации» — общества разума.

Итогом дискуссии стало понимание того, что новая эра сможет наступить тогда, когда в человеке, как в целостной личности, будет соче-

таться необходимые качества, когда он осознает необходимость единства технического и гуманитарного прогресса. Дискуссия завершилась пессимистическим выводом, что подобное сочетание в современной Европе можно встретить лишь в интеллектуальной среде. Кризис же европейской цивилизации, включающий и возможность возникновения войны, не может быть преодолен до тех пор, пока решающую роль в обществе не будут играть интеллектуалы. Таким образом, даже западная цивилизация оказалась «открытым» обществом лишь в крайне малой своей части.

Наряду с этим в среде европейских интеллектуалов было много сторонников концепции столкновения цивилизаций за выживание. В качестве решения проблемы предлагалась концепция «универсализма», т.е. представление о единстве человеческой культуры, основанной на западной традиции. Дискуссия на эту тему приобрела острый характер. Сторонники «универсализма» считали, что западная модель развития общества является единственно возможным вариантом прогресса, что культуры, основанные на других исторических традициях, бесперспективны, угрожают миру дестабилизацией, агрессивны по своей природе.

Дискуссия между Г. Мюрреем и Р. Тагором показала, что подобная концепция неприемлема для интеллигенции Востока. Р. Тагор утверждал, что культуры народов Востока содержат значительный духовный потенциал гуманистического, общечеловеческого содержания. В концепции универсализма он видел оправдание имперской политики и расизма, стремление к агрессивной унификации культуры других народов¹⁶. Решительно высказался по этому поводу Максим Горький в письме к Р. Роллану, Э. Синклеру, Б. Шоу и Г. Уэллсу: «Не правда ли — гуманисты очень странный народ? Их нимало не возмущают события в Индии, Китае, Африке и Палестине, не возмущаются они и у себя росту зоологических инстинктов национализма, ксенофобии, равнодушные к тем драмам и трагедиям, которые почти ежедневно разыгрываются в старых, облитых кровью зданиях буржуазных государств»¹⁷.

В дискуссиях 1930-х гг. взаимопонимания по этому сложному вопросу достичь не удалось. В ходе обсуждения не удалось разрешить те противоречия, которые были присущи общественному развитию в межвоенный период. Участники дискуссии не смогли наметить пути

достижения цивилизацией нового уровня, и главное — пути формирования нового человека в те сроки, которые бы позволили предотвратить грядущую мировую войну. Фактически участники признали неизбежность войны в силу того, что человечество не было готово к сложившемуся уровню развития материального производства и общественных отношений. Неизбежным следствием этого стало глубокое разочарование в международном сотрудничестве и пессимистические настроения относительно перспектив мирного будущего, охватившие интеллектуальные круги Европы, рост стремления к культурной автаркии, которые наблюдались в среде интеллигенции в конце 1930-х годов, отчуждение, возникшее между представителями мировых культур.

Проблемы международной безопасности попали в поле внимания экспертов «Лиги умов» в связи с советскими предложениями по коллективной безопасности, представленными в Лиге Наций в 1934 г. Сталин, выступая на XVII съезде ВКП(б) в марте 1934 г. говорил, что, если в Европе вспыхнет война, то рано или поздно в неё будет втянут СССР. Для того чтобы предотвратить развитие подобной ситуации Советский Союз настаивал на необходимости создание системы коллективной безопасности как универсальной системы международной безопасности в Европе. Советские предложения были переданы на изучение комиссии экспертов.

Комиссия экспертов осуществляла свою деятельность в рамках Международной школы социальных и политических наук, функционировавшей при Комиссии международной интеллектуальной кооперации с 1928 г. В ее работе принимали участие более тридцати национальных комитетов и международных организаций, включая Гаагскую академию международного права, Институт тихоокеанских исследований в Гонолулу, Университетский институт высших международных курсов, Бюро международного обучения Европейского центра фонда Карнеги и др. Конференции проводились по инициативе известного американского историка Дж. Шотвелла, президента национального комитета интеллектуальной кооперации США. Объектом обсуждения стали вопросы экономического развития и международной безопасности¹⁸. По поручению Лиги Наций был проведен анализ различных аспектов создания системы коллективной безопасности. Работа началась на VII конференции в 1934 г. в Париже. Одновременно был создан

исполнительный комитет конференции по коллективной безопасности и принята программа, отдельные разделы которой прорабатывались 14 национальными и пятью международными комитетами. Проблема рассматривалась с точки зрения разрешения вопросов демографических, сырьевых, экономических, социальных, колониальных и европейских региональных противоречий¹⁹.

Конференции по проблемам коллективной безопасности прошли в 1935 и 1937 гг. в Лондоне, в 1936 г. — в Мадриде. Своеобразие заключалось в том, что основное внимание уделялось не вариантам создания системы, которая могла бы предотвратить войну в Европе, а трудностям, которые могут встретиться на этом пути. Напомним, что стремление к внешней экспансии рассматривалось как естественное проявление природы человека и природы наций. «Государства стремятся преодолеть ограничения, установленные международным правом, и развиваться экономически и территориально», — так резюмировали эксперты итоги обсуждений. Участники признавали за государствами как право на самооборону, так и право на экспансию, которые якобы в равной степени отражают человеческую природу. Ни природа, ни мораль не могут априори нарушить их равенство. Тем самым эксперты Парижского института вольно или невольно оправдывали агрессию, перенося биологические законы на общественное развитие.

Право народов самостоятельно решать проблемы внутреннего развития, суверенное равенство государств рассматривались не как демократические принципы, а чуть ли не как проявления первобытных инстинктов, побуждающих государства в международных отношениях отказываться от необходимых компромиссов. На этом фоне участники дискуссии забывали, что в государственном суверенитете воплощены в синтезированном виде политические, социальные и экономические права граждан. Забывали, что приоритетное значение государственного суверенитета в международном праве определяется необходимостью считаться с этими правами народов независимо от мощи того или иного государства. В противном случае международное право превращается в право сильного диктовать волю слабому, в право разбоя на международной арене, т.е. в право на агрессию.

Понимая уязвимость такого подхода, эксперты Парижского института стремились подкрепить свою аргументацию ссылкой на объ-

ективность экономических законов в их либерально-ортодоксном понимании. Интернационализацию экономической жизни они также рассматривали как основу экспансионизма и базу для будущей войны: неравномерное распределение сырьевых ресурсов вынуждает индустриально развитые государства к экспансии. При этом они прекрасно понимали, что сопротивление населения порождает не столько сама экономическая экспансия, сколько нежелание развитых государств решать связанные с ней проблемы социального порядка.

Из поля зрения экспертов выпадала важнейшая причина конфликта: стремление за счет эксплуатации чужих ресурсов обеспечить себе максимальную прибыль и процветание. Таким образом, эксперты, ссылаясь на объективный характер экспансии, не могли определить субъективный характер причин агрессии. Они лишь с недоумением констатировали, что, несмотря на имеющиеся возможности, общество не может разрешить данную проблему: «Богатые государства не участвуют в расходах по поддержанию мирового социального порядка... Прогресс современного общества таков, что производство мировой продукции может быть доведено до такого уровня, чтобы обеспечить благосостояние всех народов. Оно достижимо без того, чтобы нанести вред другим»²⁰.

По мнению британских экспертов, политические причины, вызывающие стремление государств к изменению международного статус-кво (стремление повысить свой статус в международной иерархии государств или исполнить некую «историческую миссию»), присущи только США²¹. Политическая подоплека этих утверждений была очевидной: Великобритания не хотела уступать звание «первой мировой державы» молодому экономическому лидеру мира. Они лишь осложняли выработку рекомендаций по созданию системы коллективной безопасности в Европе.

Проблема международной безопасности была представлена в форме неверной дилеммы: объективным процессом экспансии якобы противостоит субъективный политический фактор — нежелание народов подчиняться или найти разумный компромисс с агрессором. Так была обоснована в те годы политика, получившая в дальнейшем название «умиротворение агрессора».

Пытаясь найти альтернативу войне, эксперты обращались к анало-

гии с внутривластной системой государств, в которой конфликты разрабатываются государственной властью, опирающейся на правовые нормы. Именно поэтому договор о коллективной безопасности рассматривался как правовая норма, которая позволяла изменять статус-кво в международных делах, опираясь на выработанную «коллективно» юридическую норму, которая бы удовлетворяла агрессора и заставила бы возможную жертву его подчиниться «коллективному» диктату²². Возникла система, подменявшая коллективную безопасность коллективным сговором, опирающимся на очевидную силу его участников, с целью избежать войну за счет слабых стран.

Более явно продемонстрировать интеллектуальный кризис, затронувший «умы» Лиги Наций в конце 1930-х гг., просто невозможно. В столкновении с конкретным политическим кризисом предвоенного времени доктрина «официального пацифизма» продемонстрировала свою несостоятельность, что было вызвано стремлением политиков направить интеллектуальное сотрудничество в выгодном для них направлении. В 1935 г. Р. Роллан писал об обстановке, сложившейся в «Лиге умов»: «По молчаливому сговору из этих учреждений были устранены все независимые деятели, от которых можно было ожидать разговора начистоту, зато туда нахлынули представители махрово реакционных интеллигентов вкупе с представителями нейтральной мысли, которым платили академическими титулами за молчание»²³.

В результате во второй половине 1930-х гг. источник новых идей иссяк, но активно шел процесс приспособления концепций «всемирной пацификации» к нуждам текущей политики. Попытки политических сил манипулировать международным интеллектуальным сотрудничеством в межвоенный период стали началом разрушения этого движения, что проявилось в росте пессимистических настроений среди представителей творческих слоев мировой общественности, в ослаблении интеллектуальных усилий по поиску новых путей обеспечения международной безопасности, стремлении к культурной автаркии и разочаровании в самом международном сотрудничестве.

Надежда на возможность предотвращения войны уступила место вполне понятному, но иллюзорному представлению, что можно будет каким-либо образом избежать втягивания собственной страны в европейский военный конфликт. Глубокое разочарование в интеллектуаль-

ной среде вызвали осуществление политики невмешательства в испанские события и «умиротворение» Германии в связи с чехословацкой проблемой.

Примечания

1. La Cooperation Internationale. Lection et Information. Genève, 1937. P. 9.
2. Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle (далее: Bulletin...). 1933. N 25–26. P. 1740.
3. Bulletin... 1931. N 2. P. 53; N 3. P. 103–104; N 5. P. 255; N 7–8. P. 356, 363.
4. Bulletin... 1934. N 36. P. 673.
5. Bulletin... 1931. N 2. P. 53; N 3. P. 104–105; N 34–35. P. 658–659; N 42. P. 322; N 47–48. P. 534.
6. Bulletin... 1931. N 47–48. P. 534.
7. Илюхина Р.М. Лига Наций... С. 275–276.
8. Bulletin... 1935. N 47–48. P. 605–606.
9. Bulletin... 1932. N 22–23. P. 935.
10. Илюхина Р.М. Лига Наций... С. 277.
11. Bulletin... 1932. N 16. P. 819–828; N 17–18. P. 964; N 19. P. 10, 359; N 20–21. P. 1150.
12. Сб. Документов по международной политике и международному праву. Вып. 5. М., 1933. С. 125.
13. Bulletin... 1932. N 15. P. 70.
14. Bulletin... 1933. N 33–35. P. 658–659.
15. Bulletin... 1938. N 92–94. P. 95–98.
16. Bulletin... 1934. N 43–44. P. 335; 1935. N 47–48. P. 533–538; 1937. N 75–76. P. 95–129.
17. Горький М. Собр. соч. В 30 т. Т. 25. М., 1953. С. 238.
18. Bulletin... 1932. N 25–26. P. 124; 1933. N 31. P. 347; 1934. N 36. P. 673.
19. Bulletin... 1934. N 37. P. 3; 1935. N 47–48. P. 533–534.
20. Bulletin... 1937. N 79. P. 396.
21. Bulletin... 1937. N 80–81. P. 372–374.
22. Bulletin... P. 374.
23. *Роллан П.* Собр. соч.: в 14 т. Т. 13. М. С. 27.